

Борис Николаевич Сипливый

профессор, доктор технических наук,
почетный работник
высшего профессионального образования
Российской Федерации,
проректор по научной работе ВолГУ

«БЫЛОЕ – В НАСТОЯЩЕМ...» (ИНТЕРВЬЮ 11.11 2009 г.)

– Вы стояли у истоков физического образования в ВолГУ. Как случилось, что Вы начали работать в университете?

Сипливый Борис Николаевич:
В 1981 году я работал в Новочеркасске, в Политехническом институте. Однажды мой научный руководитель Эрио Викторович Колесников предложил мне переехать в Волгоград. На мой вопрос «зачем?» он ответил просто: «В Новочеркасске у тебя уже все сложилось, а в Волгограде предлагают участвовать в создании университета. Не на базе педагогического, а с нуля».

Меня такое предложение сначала испугало, поскольку у меня совсем не было опыта. Но, с другой стороны, было очень интересно, тем более, по словам моего научного руководителя, жилищный вопрос там решался очень быстро.

И вот 15 сентября 1981 года мы отправились на встречу с ректором М.М. Загоруйко. Максим Матвеевич сразу предложил писать заявление о приеме на работу, на кафедру общей физики факультета естественных и гуманитарных наук, что я и сделал. На обратной стороне заявления Максим Матвеевич сразу

же попросил написать дату, когда собираюсь защитить докторскую диссертацию. Этот вопрос меня несколько обескуражил, поскольку я об этом еще и не думал. Я посмотрел на моего научного руководителя, он улыбнулся, но ничего не сказал. Я написал, что через пять лет обязуюсь защитить докторскую диссертацию.

Поселили нас в общежитии Энергетического техникума вместе с другими иногородними сотрудниками университета. Мы быстро перезнакомились.

17 сентября начались первые занятия. Мне предстояло вести несколько курсов, часть из которых была мне знакома, а часть нет. Первые недели работы вспоминаются как страшный сон, занятия шли практически целый день, потому что работников было очень мало: Эрио Викторович Колесников, Александр Гаврилович Морозов, Илья Михайлович Торгашин и другие преподаватели. Вечером приходишь домой, обкладываешься книжками, начинаешь готовиться к лекциям. Утром выкладываешь все это, вечером, опустошенный, приходишь домой – и цикл повторяется. Так было довольно долго. Курсов не становилось меньше, они все время прибавлялись. Но работа со студентами того стоила.

Ведь утром в аудитории ждали молодые люди, с интересом смотревшие на преподавателя.

Наши первые студенты были очень хорошо подготовлены, с ними было интересно работать. В то же время они требовали квалифицированного подхода от преподавателя, малейший промах сразу же замечался, и преподавателю становилось неловко. Это были наши нынешние доктора наук – Илья Коваленко, Александр Хоперсков, сестры Елена и Валентина Михайловы, Владимир Храмов, Ирина Запороцкова... В то время они были студентами первого набора.

Физический факультет требовал специальных лабораторий, оборудования. Для того чтобы работать в лабораториях, нужны методички для студентов. Все это должны были делать мы. Те, кто приехал из других городов, привезли с собой что-то, но, тем не менее, подготовка лабораторных работ, подготовка методических указаний к ним – это тяжелый изнурительный труд.

Особенно нас донимали заседания кафедры, которые еженедельно проводил наш заведующий кафедрой Колесников Эрио Викторович. На каждом заседании стоял главный вопрос: «Как будем развиваться дальше? Какие готовить лаборатории? В каких аудиториях? Каким будет содержание этих лабораторий? На какие курсы они будут рассчитаны?» Мы заседали, в основном, по субботам, иногда по 6 часов. Однажды, когда все после первых 4 часов заседания уже были без сил, кто-то спросил, какие есть предложения. Саша Греков, заведующий лабораторией, ответил: «Давайте будем перекуры через 2 часа делать». Разрядил обстановку...

Вот в таком режиме мы работали целый семестр. На науку времени практически не оставалось. Еще в Новочеркасске у меня был заключен хоздоговор с Харьковским филиалом ЭНИН (Энергетический институт им. Г.М. Кржижановского), и оставались определенные обязательства, которые надо было выполнять. Работа была связана в основном с математическими расчетами электромагнитных полей в магнитогидродинамических устройствах, которые использовались на атомных станциях на быстрых нейтронах. Расчет предполагался очень большой и громоздкий, но в этом плане повезло, так как рядом с ВолГУ

находился Трест геофизики, где была самая мощная в городе вычислительная машина. Мы договорились с руководством, и они нас туда пускали на льготных условиях. Так удавалось делать необходимые расчеты.

– Я помню, В.М. Миклюков в то время говорил: «Мне ничего не нужно, только мел и большая доска. Я – математик!» Он мог часами писать на доске и выходил из аудитории, как из мельницы. Как физикам удалось на пустом месте создать лучшую в регионе материальную базу для подготовки высококлассных специалистов?

С.Б.Н.: Все строилось постепенно. Когда я приехал, в лабораториях не было практически ничего. Несколько лазеров, да и теми не знали, как пользоваться. Прожигали с их помощью кирпичи, монеты, показывая возможности техники. В реальных лабораторных установках они еще не использовались. Да и предназначались они для старших курсов, а не для первого. По учебному плану у первокурсников должна была быть лаборатория механики и молекулярной физики. Ее не было, приходилось все делать своими руками. У нас, кстати, был токарный станок, так что многое вытачивали в своих мастерских. Пару лет спустя купили типовую лабораторию механики, часть ее оборудования до сих пор используется.

Однажды решили сами сделать гироскоп, чтобы иллюстрировать студентам, как он работает. Вырезали из гетинакса диск, нашли высокооборотный двигатель, который вытащили из авиационного прибора. Запустили, а частота вращения оказалась очень высокой. В результате диск раскололся, один осколок отлетел в ногу лаборанту, другой разбил плафон. После этого мы поняли, что такие самоделки для студентов очень опасны, и отказались от этого устройства. А позже купили типовой.

В общем-то, деньги на закупку оборудования были. Нужно было только разумно подобрать оборудование. Но, так как экспериментаторов среди нас практически не было, это было очень сложно сделать. Но, тем не менее, мы делали заказы, постепенно поступало оборудование. Начинали с малого. Лабораторию механики для первого курса поста-

вили за неделю-две. Александр Гаврилович Морозов принимал активное участие в написании методических указаний. Потом была готова молекулярная физика. Тут большой вклад внес покойный Алексей Владимирович Иванченко. Нас приняли на работу в университет в один день – 15 сентября. Он пришел в ВолГУ с завода «Красный Октябрь», где работал в центральной заводской лаборатории. Кое-каким оборудованием нам помог завод. Молекулярную физику ставил Алексей Владимирович, помогал ему Лев Михайлович Смеловский. Потом подошла очередь лаборатории электричества. Здесь уже у меня опыт был. Я работал в Новочеркасске в лаборатории электротехники, привез оттуда методики, часть оборудования, измерительные приборы. Смонтировали лабораторию электричества, методические указания написали. К этому времени начали приезжать новые преподаватели из московских вузов.

– Как Вы подбирали новых сотрудников, приглашали или они сами находили Вас и предлагали свои услуги?

С.Б.Н.: Случались разные истории. У каждого из нас были налажены отношения по всему Советскому Союзу, мы общались с коллегами, предлагали им поработать у нас, кто-то приезжал. Большая группа молодежи, выпускники МГУ, Физтеха, МИФИ, приехала просто по объявлениям, которые печатались в «Учительской газете». Например, Вячеслав Константинович Игнатъев. Правда, его родители родом из Волгограда, поэтому когда он закончил Физтех и там же защитился, то, естественно, приехал работать сюда. Юрий Михайлович Торгашин тоже закончил Физтех, потом приехал сюда. А вот Валерий Васильевич Яцышен, нынешний декан факультета физики и телекоммуникаций, родом с Украины, закончил физфак МГУ, приехал сюда по объявлению.

Когда приезжали новые люди, мы заслушивали на заседании кафедры их доклады о научной деятельности, исследовательских интересах, планах на будущее и т. д. Потом заведующий кафедрой делал представление ректору, который уже решал вопрос о приеме на работу. Те первые молодые преподаватели сейчас уже известные ученые, доктора

наук, заведующие кафедрами. В основном, все «новенькие» были кандидатами наук, докторов почти не было. Колесников был доктор, остальные – Александр Гаврилович Морозов, Владимир Михайлович Миклюков, Анатолий Иванович Иванов – чуть позже защитились.

– Скажите, при такой ситуации, когда приходилось заниматься строительными работами, все делать своими руками, возникали ли психологические сложности?

С.Б.Н.: Как это ни удивительно, но на первых порах никто никаких претензий не высказывал. Старшие преподаватели и доценты токарный станок затаскивали своими руками по ступенькам – это было нормальным явлением. Вот лет через пять, когда отвлекали на непрофильные работы, конечно, слышались недовольные голоса. А вначале все делали как должное, потому что видели, что без этого нам работать будет негде и не с кем. Я тоже участвовал в строительстве университета: вместе с А.Г. Морозовым мы копали ямы под фундамент корпуса «В», в общежитии клеили обои.

– Бывали ли трудности с набором студентов, с отчислением неуспевающих? Как ситуация менялась на протяжении 30 лет, и как физики с этим справлялись?

С.Б.Н.: Надо сказать, что первые пять лет у нас никаких проблем с набором не было, к нам шли люди подготовленные, с ними приятно было работать, в аудитории чувствуешь всегда, что студент тебя понимает, на каком бы уровне ты материал не излагал. На мой взгляд, учиться на физическом факультете тогда и сейчас намного сложнее, чем на других. Не в обиду другим факультетам. Потому что курс математики физикам читается почти в том же объеме, что и профессиональным математикам. Плюс к этому курс общей физики, который не читается больше нигде. А он включает в себя механику, молекулярную физику, электричество, атомную и ядерную физику, оптику – пять разделов. Кроме того, параллельно начинается курс теоретической физики. На мой взгляд, объем теоретического материала у физиков существенно выше, чем на других факультетах. К тому же

в неделю примерно 6–10 часов все физики всех курсов должны были проходить практику по общей физике, по спецдисциплинам. Практикум – это очень серьезная вещь, к ней надо тщательно готовиться.

Поэтому и отсеив у физиков был приличный. За исключением первых пяти выпусков, куда шли очень сильные ребята. Со временем, конечно, и контингент к нам стал поступать слабее подготовленный не просто по физике, но даже по математике. Это связано, наверное, с тем, что качество преподавания физики и математики и требования в школах снизились. А поскольку вся физика излагается на языке математики, то трудно было общаться, что-то объяснить студентам. «На пальцах» расскажешь, но это же все надо количественно описать, написать соответствующую формулу, а подготовки нет. В этом плане было очень сложно, поэтому и отсеив был большой, и сейчас отсеив большой. За 30 лет, особенно начиная с 90-х годов, интерес к физике пропал не только у нас, но и во всей стране. И сейчас в других вузах то же самое, на инженерные и физические специальности желающих поступить очень мало. А насчет трудоустройства – наши физики, особенно первые выпускники, на очень приличную работу устраивались. И сейчас те, кто все-таки заканчивает физфак «вопреки нашим усилиям», неплохо устраиваются. То есть и уровень подготовки у нас, и материальная база, и квалифицированный состав преподавателей – все позволяет «довести» выпускника до хорошего уровня.

– И выпускники трудоустраиваются здесь, в нашем городе, области?

С.Б.Н.: Не только в нашем городе, но и в других городах, в Москве – наши работают везде. У нас одно время были хорошие связи с ИРЭ (Институт радиоэлектроники), во Фрязино отделение было. Так вот там наши выпускники в аспирантуру поступали, оставались учиться. И не только там. Кстати, наши бывшие преподаватели сейчас работают в Москве. Торгашин, например, в Академическом институте работает. Вот недавно конференция была по астрофизике – он приезжал, совсем не изменился.

– Прошло уже 30 лет, скажите, Вы довольны тем, каким стал университет и Ваш физический факультет?

С.Б.Н.: Конечно, университет за эти 30 лет из ничего стал настоящим вузом. Динамика роста у нас сумасшедшая была во все времена, и сейчас, конечно, тоже. Ну а по поводу факультета – вначале все хорошо и быстро развивалось, а сейчас интерес к физике не такой, студент приходит слабый, мы вынуждены ориентироваться на слабого студента, иначе вообще ничего не получится. То есть опускаемся в некотором смысле. В группе только 4–5 человек, из которых получились бы классные специалисты. А мы вынуждены ориентироваться на средний уровень, и этим ребятам это не очень интересно.

– Да и, между прочим, не только у вас такая ситуация, но и на других факультетах то же самое.

С.Б.Н.: Ну, я на других не работал, не знаю. А вот у нас такая ситуация. Надо сказать, и материальная база... В то время деньги были, мы покупали самое современное оборудование, электронный микроскоп купили, растровый электронный микроскоп. В городе только у нас было такое оборудование, ну, еще в исследовательском институте что-то похожее было. И специалисты были, которые могли работать на них. Вот Александр Александрович Явор пришел к нам. Он привел с собой людей. Он сам был специалист физики твердого тела, материаловедения. Как раз он занимался этими вещами, все это работало. Но время идет, все стареет. Сейчас этот электронный микроскоп, который тогда занимал большую комнату, продается в настольном исполнении. Но денег-то нет его купить.

– Борис Николаевич, вот Вы в университете выполняли почти все руководящие функции – зав. кафедрой, декана...

С.Б.Н.: Нет, заместителем декана. Когда был совместный факультет физико-математический, Пелих был деканом, а я заместителем.

– *Были первым проректором, проректором по научной работе. На какой из этих должностей Вы были максимально удовлетворены результатами того, что удалось сделать?*

С.Б.Н.: Я затрудняюсь ответить на этот вопрос. На каждой ступеньке я чувствовал себя хорошо, работа мне нравилась. Когда мне предлагали более высокую должность, вначале сложно было, а потом втягивался, и мне нравилось. Я помню, когда меня Максим Матвеевич пригласил и сказал, вот будешь проректором по научной работе, я не представлял объем работы, мне и на кафедре было интересно. Я пришел сюда, первые несколько дней сидел и не знал, что делать. Ко мне никто не приходил, какие-то бумаги приходили, смотрел их, читал, что-то отписывал, подписывал, а работа... не представлял, что нужно делать. И вот какое-то время прошло, я втянулся, коллеги помогли. Сразу хочу сказать, что мне с коллегами в нашем университете повезло. С самого начала, как я приехал, настолько была благоприятная обстановка, дружеская, настолько нам интересно было вместе, мы и на работе и вне работы были вместе. Просто было приятно. Нас тогда мало было, мы все друг друга знали, и это было здорово.

– *Скажите, кроме «непосильного труда», была возможность для отдыха?*

С.Б.Н.: Конечно. Я всегда занимался спортом, одно время очень серьезно к этому относился. Когда сюда приехал, тоже попытался. Собрал команду из преподавателей и студентов по волейболу. Университету было 2 или 3 года, а мы уже выставили команду на первенство города среди студентов и преподавателей. Нас сначала серьезно никто не воспринимал. А мы через какое-то время начали выигрывать. Нас начали побаиваться. И в баскетбол со студентами вместе играл. Нет, время на спорт всегда находилось, без этого просто нельзя было, все время напряженная работа. В зал зайдешь, оторвешься.

– *Все знают и воспринимают Вас как человека мягкого, спокойного, отзывчивого, честного и доброго. Эти, несомненно, положительные качества не мешают*

Вам, как выражался К. Маркс, в «жизненной борьбе», в нашем бесконечном боре-нии за что-то?

С.Б.Н.: Я полагаю, что все, чего я хотел и хочу, я добиваюсь. Какими способами...

– *Без стука кулаком по столу?*

С.Б.Н.: Стучать – нет, но бывает и на повышенных тонах разговариваем, но без обид как-то.

– *Скажите, 30-летие университета Вы рассматриваете как возраст детский, юношеский или уже зрелый?*

С.Б.Н.: Для университета, я думаю, это юношеский возраст. Я в свое время, когда стал проректором по научной работе, по долгу службы часто ездил в министерство, где в то время регулярно подсчитывался рейтинг вузов по Советскому Союзу. Там Петр Петрович Крупнов был тогда руководителем отдела, и он занимался рейтингом университетов. И вот мы как ни стараемся – у нас каждый год цифры растут, растут, мы видим же, – а все на одном месте в рейтинге. Я к нему приезжаю и говорю: «Как же так? Вот у нас бешеный рост во всем, докторов увеличилось в два раза за короткий промежуток, а мы в рейтинге никак не двигаемся». А он посмотрел на меня из-под очков и говорит: «А сколько вам лет?» Я: «Десять, пятнадцать...» А он: «Вас смогут увидеть без увеличительного стекла, только когда вам будет за 50, вот тогда вы будете настоящим вузом». Так что я считаю, что сейчас юношеский возраст у университета.

– *То есть постареем не скоро?*

С.Б.Н.: Да и слава богу.

– *Со временем что-то плохое, неприятное забывается. А в эмоциональной памяти остаются какие-то веселые, радостные вещи, даже если стрессы были. Что за эти годы осталось у Вас такого, что Вы вспоминаете – и становится приятно и хорошо на душе?*

С.Б.Н.: Трудно сейчас сказать. Докторскую диссертацию здесь защитил, несмотря на ту огромную занятость, на ту работу, которую каждый день выполняли. Вообще, у физиков и сейчас такие институты, как докторантура, творческие отпуска, как-то не приняты. И поэтому каждый из физиков и из математиков, кто защитил здесь докторские, сделал это в свободное от работы время. Поэтому сейчас сам удивляюсь, как удавалось людям, которые работали на этом факультете, защищать докторские диссертации. Я бы смог защитить докторскую лет на 5–4 раньше, если бы работал в старом вузе, занимался рутинной деятельностью, преподавал. Но, тем не менее, я не жалею, что я здесь сделал эту работу, защитил ее, и без всякой помощи. Вот это для меня самое сильное впечатление. Ну, что проректором стал, тоже приятно вспомнить.

– Скажите, Вам никогда за эти 30 лет не приходила такая мысль, что вот лучше бы я остался в Новочеркасске?

С.Б.Н.: Нет. Я именно здесь состоялся, и все то, через что прошел, сделало меня именно таким, какой я сейчас. Я же, помимо Новочеркасска, 2 года в Симферопольском университете работал. Кстати, этот университет создали на базе пединститута, а чтобы усилить его, пригласили из других городов специалистов. Вот я воочию увидел, что такое университет, созданный на базе пединститута. Как он был пединститутом, так и остался. Тех людей, которых пригласили, со временем вытеснили. Тем, кто там раньше работал, неинтересно было что-то новое, им нравилась та работа, которая была. Университет – это все-таки совсем другая структура. Поэтому отторгли они все это новое, хотя тот симферопольский вуз до сих пор называется университетом. Я считаю, правильно, что наш университет создали с нуля.

– Спасибо Вам за ваши воспоминания и интересные мысли.

С.Б.Н.: Это далеко не все! Есть что, конечно, вспомнить: как мы сад корчевали, как на демонстрации ходили... Я смотрю сейчас на фотографии старые: мы на демонстрации, нас, университетских, мало, но мы заметные. Хорошее время было! Пообщаться интересно было.

– Сад жалко.

С.Б.Н.: Да, когда мы приехали, здесь был сад, но он, правда, старый был. Когда землю отдали университету, сад перестали поливать. Естественно, он за два года зачах. И его пришлось выкорчевать. Надо было все это убирать, сжигать, и мы все, преподаватели и студенты, это делали.

– Да, весной 1983 года он не зазеленел, стоял черный, а тут проехали по Второй Продольной какие-то партийные боссы и увидели эту неприглядную картину. Звонят Максиму Матвеевичу: «Что с садом-то у вас?» Он вызывает меня и говорит: «Сходи в сад и посмотри, что там можно сделать». Я пошел, посмотрел, а там козы из поселка объели всю кору, полив прекратился – ведь сад, принадлежавший, кажется, ВНИАЛМИ, списали, трубы растащили, разворовали. Спасать было нечего. Пришлось все рубить, резать и жечь.

С.Б.Н.: Жалко, конечно. Но не хотелось бы заканчивать беседу в миноре. Сейчас на этом месте разбиты чудесные газоны и цветники, посажены молодые деревья и кустарники. Они как символ нынешней молодости и расцвета университета. А былое – в настоящем, в наших воспоминаниях и в весомых плодах тридцатилетнего труда университетского коллектива.

Беседовал Ростислав Ковалевский